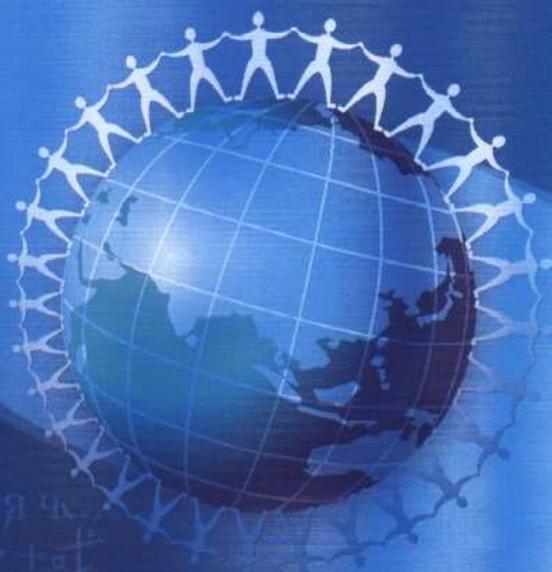

ISSN 1997-5996

ОБЩЕСТВО · СРЕДА · РАЗВИТИЕ

4' 2014

TERRA HUMANA

УДК 18 + 099.5 + 130.2

ББК 87.8 + 76.1 + 87

Д.Ю. Игнатьев, Л.Н. Летагин

НОМО ЕХРОНЕНС В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ (ОПЫТ АНАЛИТИКИ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК)

Книжные маргиналии остаются привычной и наиболее распространенной формой читательского комментария. Само существование полей провоцирует и превосхищает труд интерпретации. Нетождественность актов «письма» и «чтения» выступает залогом ценности как самого текста, так и связанного с ними коммуникативного опыта. Смыслопорождающая функция маргиналий рассматривается как важное условие межличностного диалога – интеллектуальных стратегий, определяющих поступательное развитие культуры и многообразие ее форм.

Ключевые слова:

бытовое поведение, интеллектуальная коммуникация, историческая поступательность, культурные практики, маргиналии, текст, читатель.

Пространство книжных полей выступает сферой зримого воплощения диалогических отношений между автором текста и его читателем. В современных условиях, когда печатное издание оказывается подвержено бесконечной воспроизводимости и тиражируемости, единичные пометки на полях книг приобретают уникальную, феноменологическую самодостаточность. Читательский опыт и вменяемые им модели интерпретации, комментирования, оценки составляют значимую часть социальной истории книги. В этом плане читательские маргиналии перспективно рассмотреть в двух отношениях: как сохраняющееся явление бытового поведения (форму повседневности) и как факт интеллектуальной коммуникации, семантическое единство культуры текста и складывавшейся на протяжении человеческой истории практики чтения.

Маргиналии – критерий заинтересованности, «смысловая разметка» книги, отразившая фокус читательского интереса. Выполняя обычную роль функциональных маркеров, они выступают содержательным подтверждением взаимодействия читателя и текста. Записи на полях книги существуют и воспринимаются не просто в качестве смысловой акцентуации – самостоятельного оценочного наблюдения или комментария. Они активно преодолевают авторитетность (авторитарность) печатно-

го текста, обретая тем самым право собственного голоса.

Коммуникативный смысл *Interpretatio* – опыт посредничества и перевода – определяется активной позицией читателя по отношению к авторскому слову. Как отмечал Ж. Бодрийяр, «слова для меня – нечто крайне важное. То, что они обладают собственной жизнью, и то, что они, следовательно, смертны, очевидно любому, кто, как в моем случае, не ориентирован на окончательные решения и не нацелен на построение завершенных систем. Имеющая место во временности слов почти поэтическая игра смерти и возрождения и связанные с этой игрой последовательные метафоризации ведут к тому, что идея возвышается и становится иной самой себе, превращается в «форму мысли...» [4, с. 5].

Именно поля книги вступают организующим фактором дискуссионного поля, в котором происходит пересечение *актантных ролей* автора и читателя (*У. Эко*) – восстанавливаются незамеченные семантические разрывы, утраченные смысловые связи. Служебная функция маргиналий очевидна. Однако это не просто «шумовой эскорт» текста в виде попутных реплик и замечаний, его внеценностная периферия. Как «резонирующий» поведенческий фактор, маргиналии показательно интересны и в том случае, когда активно не соглаша-

ются с авторским взглядом, и когда они ему последовательно «вторят». В этом случае в процессе чтения происходит маркировка взаимного интереса, а предметом анализа выступает сама активность читателя, который из человека читающего (*Homo Legens*) превращается в *Homo exponens* – человека, дающего (делающего) пояснения.

Слово – первоначало искомого смысла. В письме Б.А. Успенскому Ю.М. Лотман однажды заметил: «мысль <...> нельзя вывести эволюционно из не-мысли» [9, с. 417]. Подчеркнутый «антиэволюционизм» исследователя – его точка зрения на теорию генезиса текста – фокусирует интерес на культуропорождающей функции читательского со-мнения.

При посредничестве маргиналий книга из «средства передачи текста» (Б.В. Томашевский) [15, с. 3] становится способом организации нового опыта – не только когнитивного, но и художественного. (Как отмечал Ю.Н. Тынянов, «именно из дилетантизма, из атмосферы «стихотворных записок на полях книг» выходит новое явление – Тютчев, своими интимными интонациями преобразующий поэтический язык и жанры» [16, с. 271]).

Востребованность читательских пометок, их исследовательская актуальность – критерий непостоянный и определяется классичностью/неклассичностью эпохи. Этим критерием в значительной мере определяется противоположность существующих подходов к маргиналиям. Поляризованное выражение существующих оппозиций отражает две основные точки зрения на текст – его понимание как открытой или закрытой структуры.

Со ссылкой на П. Валери В. Библер пишет: «Произведение ... продолжает жить благодаря своим метаморфозам и в той степени, в какой смогло выдержать тысячи превращений и толкований <...>. Произведение жизнеспособно, если оно с успехом противится тем заменам, которые мысль активного, неподатливого читателя стремится навязать его элементам» [3, с. 117].

Автор текста не может быть представлен как единственный адепт истины. Однако в рассматриваемой модели от читателя требуется по преимуществу только соответствие «букве» авторского текста, его «буквальное прочтение». Вопрос не в том, может ли бытовать текст без подтекста. Нельзя не учитывать смыслопорождающую функцию ответственного слова, преодолевающего за-данные ценностные горизонты. Отношения автора и читателя

нередко выступают как «соревновательные», однако речь идет не о гонке за «лидером», а о расстановке культурных приоритетов («Не поэзия неподвижна, – скажет А. Ахматова о рецепции поздних произведений Пушкина, – а читатель не поспевает за поэтом...» [1, с. 113]).

Актуальность текста культуры заключена в его «новой информативности», в которой проявляется и уточняется структура «возможных произведений». «Разница потенциалов» – основа формирования новых значений, нового духовного опыта. Идея герметичности или открытости текста самым непосредственным образом определяет ход исторической поступательности. В этом плане нельзя не согласиться с мнением Ю.М. Лотмана, утверждавшего, что «не только понимание, но и непонимание является необходимым и полезным условием коммуникации. Текст абсолютно понятный есть вместе с тем и текст абсолютно бесполезный» [8, с. 220]. Информационная новизна текста уступает значимости со-общения, в которой ситуация развивается от индивидуально заявленного мнения автора к со-мнению читателя. Именно этот критерий становится основным фактором апологетизации маргиналий.

«Все лучшее я написал на полях чужих книг», – говорил В. Розанов. Именно на полях книги формируется и получает фиксацию «опыт чтения», преодолевающий инертность текста. При всем окказиональном характере маргиналии раскрывают потенциал соположенного им основного корпуса текста, развивают упущенные сюжетные и смысловые линии. В этом плане в качестве маргиналий логично рассматривать те поддающиеся содержательной атрибуции *индивидуальные читательские пометки, которые тематически соотносены с соответствующими фрагментами печатного текста и акционально синхронизированы с моментом чтения.*

Полемическая ценность маргиналий самым непосредственным образом отражает представления о ключевых понятиях человеческого опыта, выявляя взаимодействие автора и читателя в сфере смещения идей, нравов и вкусов, т. е. аксиологическом модусе культуры. Определяясь с акциональным фоном и отражая мировоззрение эпохи, исторические типы эстетического сознания, менялись формат текста, практики чтения, функциональные характеристики книжных полей.

Люций Анней Сенека категорично утверждал: «что приобретается при чтении посредством пера – превращается в плоть

и кровь». Со времени античности используется вполне «нормативный» обиходный арсенал пометок и условных знаков: *NB*, *Sic*, *b.f.* (*bona fide*), *PS*... Как исторически сложившийся тип сокращений, читательские пометки на полях были способны выразить возможную полноту эмоций: *cf.* (от *conferatur*, *confer* – «сравни»), *adnot.* (от *adnotavit*, *adnotatio* – «пометил»), *sec.* (*secundum*. т. е. «следующий») – факт подтверждения или *lat. VS / v.* (*versus* – «против») в качестве активного выражения несогласия с мнением автора. Латинские пометки на полях и между строк выступали парактестом греческих классиков.

В эпоху Средневековья сама архитектура книги служила утверждению ее сакрального назначения. Это находило свое отражение в чистоте полей, не предназначенных для появления на них каких-либо читательских пометок. Верное направление читательской интерпретации определялось в строгости индексов и комментариев. Рамка на полях церковных книг являла собой сияние Божественной Славы, исходящей от сакрального текста. Ограждая текст от любого стороннего влияния, она выступала в качестве своеобразного символического предела. Этой цели служила и подчеркнутая плотность текста, не предполагающая внешнего вторжения, как в Ветхозаветном Писании у пророка Иезекииля: «И вот свиток исписан был внутри и снаружи...» (Иез. 2,9.10). Сакральный смысл текста воплощался в физической форме священной книги, требовавшей к себе предельно благочестивого отношения вне зависимости от степени его понимания или непонимания. Текст функционировал в культуре не как носитель информации, а как сакральный объект, воплощающий в себе полноту духовного содержания, уподобляя его иконическому образу в его православном восприятии.

Маргинальные исклечения в эпоху Средневековья, естественно, присутствовали, но допускались по преимуществу в житийной или нравоучительной литературе, молитвословах, требниках. Так, жившему на рубеже XVI–XVII веков Арсению (Антону Суханову) «было присуще активное отношение к книге, о чем свидетельствуют собственноручные записи и примечания, сделанные на полях принадлежащих ему книг» [13, с. 101]. Аналогичный пример представляли собой владельческие записи иеромонаха Евфимия, келаря Чудова монастыря, на полях «Жития» его святого покровителя – Евфимия Великого [13, с. 292].

Как справедливо отмечает Роже Шартье, «вопреки представлению, сложившемуся в самой литературе и подхваченному квантитативной историей книги, текст не существует сам по себе, отделенно от своей материальной формы, <...> а значит, понимание любого письменного текста отчасти обусловлено теми формами, в которых он достигает читателя» [17, с. 132].

Всесторонняя интерпретация текста не может игнорировать архитектуру книги, обеспечивающую действительное бытование текста в культуре. Именно исследование феномена книги (а не произведения или текста) порой в большей степени приближает к адекватному осмыслению характерологических особенностей интеллектуальных коммуникаций той или иной эпохи [5, с. 203–205]. Например, для эпохи барокко характерно не написание текста, а «строительство» книги, в которой поля и комментарии являются важнейшими составляющими ее концептуального целого. В книжных полях, на которых порой «странствуют» или «блуждают» автор и читатель, воплощалась идея лабиринта, столь характерная для всей культуры барокко. Сложность и наполненность книжных полей с многочисленными индексами и комментариями ориентировала своего читателя не на чтение, а на комментирование. В культуре барокко текст и комментарий находятся в неравновесных динамических отношениях, указывая на непостоянство границ между семантическим ядром и периферией.

В новоевропейской истории и культуре присутствие маргиналий (латентное ранее проявление читательской «вольности»), как знак активного отношения к тексту, становится вполне нормативным. Тексты Нового времени приглашают читателя к своему достраиванию, к соавторству, открывая свои поля в качестве пространства приращения смысла. Текст, разомкнутый в мир, стремится к расширению собственных горизонтов, реализуя семантический потенциал в бесконечном многообразии читательских рецепций. С этого момента читательские пометки на страницах Священного Писания перестают восприниматься редкостью, включаясь в систему обычных повседневных практик. Показательно интересны примеры записей, которые сохраняют актуальность непосредственного биографического указания и проливают дополнительный свет на душевную жизнь владельца книги. Вне исторического масштаба личности подобные записи интересны способом раскрытия

внутреннего мира человека. Это подтверждается собственноручными пометками на тексте Евангелия Пушкина, Гоголя, Достоевского, Чайковского. На «прокладных листах» экземпляра Евангелия, принадлежавшего А.А. Аракчееву, сохранились отметки о фактах особого монаршего благоволения (эти записи охватывают период более чем за 30 лет – с 1782 по 1816 гг.).

Появление читательских маргиналий в книгах Священного Писания свидетельствовало о принципиальном культурном повороте, означающем десакрализацию тела священного текста. В секулярной культуре сакральный текст оказывается открыт для многообразия читательских интерпретаций, он выступает в качестве источника информации, разрушая онтологичность символа, предлагая свои поля для выражения читательского опыта [6; 12; 14].

Именно с этого момента печатный текст, по определению Ю.М. Лотмана, начинает восприниматься по преимуществу как сочинение, предназначенное «для передачи и хранения информации» и для «порождения новых смыслов» [8, с. 588].

В период перехода к неклассическому типу культуры пустота книжных полей превращается в авторский кошмар. Балансируя на грани искажения и уточнения смысла, опыт читательской рецепции, «достраивания значений» обнаруживает неравенство текста самому себе, указывает на его принципиальную незавершенность. По отношению к основному тексту, который начинает восприниматься в «фоновом режиме», креативность маргиналий повышается, изменяются взаимоотношения между «своим» и «чужим» словом, которые выступают как величины обратно пропорциональные. Как отмечал Р. Барт, «*умение читать* поддается описанию и проверке на начальной своей стадии, но очень скоро у него не оказывается ни дна, ни ступеней, ни правил, ни пределов...» [2, с. 491]. Не отличающиеся сходством характеристики маргиналий не исключают потребности в строгости их определения. Это выступает основным условием единства подходов к их оценке, что позволило бы представить различного рода «околотекстуальные» явления фактом не столько бытового, сколько мировоззренческого порядка.

В обозримой исторической ретроспективе пометки на полях – принятая норма обиходного читательского поведения, привычная практика чтения, подчеркивающая его рефлексивный или полемический характер.

В бытовой культуре России на протяжении XVIII–XIX столетий по отношению к книжным маргиналиям сформировалось подчеркнуто поэтическое отношение.

Одно заметил я давно,
Что, как зазубрина на плуге,
На книге каждое пятно
Немой свидетель о заслуге.

(Н. Некрасов).

Мне всегда открывается та же
Залитая чернилом страница...

(И. Анненский).

Он книгу читает, он в книге чертит,
И ум его полон сомнением...

(Н. Гумилев).

Угадывать великое в немногом,
Воссоздавать поэтов и века
По кратким, повторительным пометам...

(В. Брюсов).

Читательское «присутствие» в старых книгах – это владельческие записи, заломы уголков страниц, нажим сухого пера, отчеркивания ногтем (любимая привычка Пушкина и В. Одоевского), пометки на полях и прокладных листах книги. Из «классической» типологии нельзя исключать маргиналии косвенные – сохранившиеся закладки или вклейки, затертости владельческого экземпляра, степень изношенности и выцветания отдельных страниц, присутствие «лисых пятен» («фоксов»), следов увлажнения или потеков. Степень отношения к содержанию книги определялась разрезанностью страниц книжного блока, присутствием экслибриса или владельческого ярлыка, ценностью переплета, наличием тиснения, золотого или фигурного обреза и т. д. (в эпоху распространения Интернета эти формы читательского поведения можно отнести к культурным реликтам).

Прошли времена, когда апологетизация книжных полей имела подчеркнуто декларативный характер. «Приобретая книги, – писал Эдгар По, – я всегда стараюсь подбирать экземпляры с широкими полями; не столько потому, что они мне нравятся, хотя это и красиво само по себе, сколько ради возможности записывать на них подсказанные чтением мысли, свое согласие или несогласие с автором и вообще краткие критические замечания. Когда мои замечания не уместаются на ограниченном пространстве полей, я записываю их на листке бумаги и вкладываю его меж-

ду страницами...» [11, с. 153]. В функциональном плане книга с полями – во всех смыслах полезное издание. Вместе с тем необходимо задаться вопросом: насколько оправдано рассматривать поля книги как часть ее семантического целого?

Начиная с XVII столетия широкие поля книги предполагали достижение определенных целей, что диктовалось конкретными практическими соображениями. Включение читательских записей гарантировало единство книжного разворота в целом, что подтверждается историей бытования таких классических изданий, как знаменитые «Альды» или «Эльзевиры» [7, с. 193–195]. Структурными и композиционными особенностями верстки они провоцировали и побуждали читателя, инициировали его активное взаимодействие с текстом. Присутствие на странице маргиналий, таким образом, соответствовало концепции изданий. Читательские пометки мыслились как потенциальное (образное и структурное) завершение страницы, ее логическая часть, без чего типографский текст не мог бы соответствовать видимым критериям своей завершенности.

Сегодня «текст», как базовый концепт гуманитаристики, незаслуженно потеснил собой концепт книги, что привело к неизбежному культурным абберациям. Качественное изменение книжных форматов, сопровождающееся переносом произведений в электронное пространство, приводит к неизбежному развоплощению текстов, утрате ими своей телесности. Эпоха «обескровленных книг» приводит к не обратимому «таянию полей», упраздняя тем самым реальное основание культуры книжных маргиналий. При этом разрушается метафоричность «маргинального мышления» – возможность прорыва к свободе читательского самоопределения и выбора.

Именно поэтому в исследовательском обращении к маргиналиям произошла показательная методологическая реабилитация. Современное балансирование на грани паратекстуальности и гипертекстуальности, изменяя оппозицию предписанного, возможного и должного, формирует и новые ценностные критерии. Это находит непосредственное отражение в системе читательских практик, принципиально меняя характер отношений «естественного» и «искусственного» повествования. Время *чтения* все в меньшей степени ориентировано на культуру *вчитывания*. Так, Вильям Шерман сознательно противопос-

твляет привычное понятие «чтение книги» более современной практике ее бытования – «использование» [21]. Сохранение «книжного формата» культуры выступает необходимым условием поддержания ценностного паритета, ибо текст, не знающий своих границ, не может быть равен самому себе. Определяясь и дополняя собою «ткань» ранее сотканых авторских значений, маргиналии способны предъятьвлять новый уровень смыслообразования даже в ситуации относительной неопределенности – там, «где миражные буквы маячат...» Практика перечитывания, повторного обращения к уже известному ориентирована на формат обновления культурных форм.

Пометки на полях делались и делаются, как правило, для себя, они мотивированы потребностью вернуться к ранее прочитанному, прочувствованному, пережитому. Если для самого читателя они являются «узлом на память», то для исследователя они представляются актуальным фактом оценочной навигации.

Жизнь текста строится по законам жизни. Эпистолярное замечание Ю.М. Лотмана о том, что «мысль <...> нельзя вывести эволюционно из не-мысли», уточняется комментирующим наблюдением Ф. Ницше: «Свое “я” всегда поощряется за счет другого; “жизнь живет всегда на средства другой жизни”, кто этого не понимает, тот не сделал по отношению к себе даже первого шага к честности» [10, с. 215]. Современный интерес к сфере культурных коммуникаций обусловлен не благополучием, а, напротив, остротой взаимного непонимания в социуме. Кризис идентичности, выражающийся в фрагментарности мышления и «мозаичности» сознания, приводит к атомизации личности внутри социума. В работе с маргиналиями необходимо актуализировать их экзистенциальный смысл: определить как особую исследовательскую установку принцип *vivere memento* – помни о жизни (*лат.*).

Чтение – это труд преодоления. Возможность сохранения «книжного формата» культуры определяется сегодня не поведенческой прилежностью адептов чтения, а вниманием к принципу избирательности – основе интеллектуальных коммуникаций.

Читатель, оставляющий пометки на полях прочитанных книг, не стесняющийся маргинальных признаний, подтверждает свою ценностную включенность, зависимость по отношению к предшествующей традиции. «Не следует скрывать и искажать *факты*, показывающие, каким

образом наши мысли пришли нам в голову, – пишет Ф. Ницше. – Глубочайшие и неиссякаемые по своему содержанию книги всегда будут иметь нечто афористическое и носить какой-то характер внезапности, вроде “Мыслей” Паскаля. *Движущие* силы и оценки долго живут под спудом; то, что показывается наружу, является уже результатом» [10, с. 245].

Формат книги продолжает определяться не только полосой наборного текста, но и шириной полей. В этом ценностном балансе формируются новые побудитель-

ные смыслы, определяется модальность чтения. Индивидуальные практики общения с книгой и тайнопись маргиналий сегодня все активнее замещаются глобальной политикой «цифрового маккартизма». Какие информационные лабиринты предстоит преодолеть человеку? Если для Homo Legens еще открываются манящие отдаленные перспективы, не стоит забывать, что видны они только с высоты Гутенберга. На современной карте ментальности еще сохраняются точки духовного притяжения – точки возврата.

Список литературы:

- [1] Ахматова А.А. «Каменный гость» Пушкина // Ахматова А.А. Соч. в 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – С. 111–126.
- [2] Барт Р. О чтении // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 511 с.
- [3] Библер В.С. Вещь и весть / Подг. текста, комм., пред. И.Е. Берлянд // Вопросы философии. – 2001, № 6. – С. 105–135.
- [4] Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Пер. с фр. Н. Сулова. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 196 [1] с..
- [5] Игнатъев Д.Ю. Поля переводимости: аксиосфера свободного логоса // Михайловская пушкиниана: Материалы научно-практических чтений. Вып. 63. – Сельцо Михайловское: Пушкинский заповедник, 2014. – С. 201–206.
- [6] Корпус записей на старопечатных книгах / БАН России. Сост.: Л.И. Киселева. Вып. 1. Записи на книгах кириллического шрифта, напечатанных в Москве в XVI–XVII вв. – СПб: БАН, 1992. – 217 с.
- [7] Летягин Л.Н. «Силловые поля» маргиналий в ценностном притяжении классического текста // Михайловская пушкиниана: Материалы научно-практических чтений. Вып. 63. – Сельцо Михайловское: Пушкинский заповедник, 2014. – С. 185–200.
- [8] Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). – СПб: Искусство-СПб, 2010. – 703 с.
- [9] Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Переписка, 1964–1993 / Сост. О. Кельберт; под ред. Б. Успенского. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 498 с., 16 л. ил., портр.
- [10] Ницше Ф.В. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. Незавершенный трактат Фридриха Ницше / В реконструкции Элизабет Ферстер-Ницше и Петера Гаста. Пер. с нем. Е. Герцык и др. – М.: Культурная революция, 2005. – 878 [1] с. – (Впервые без цензуры).
- [11] По Э.-А. Marginalia // Эстетика американского романтизма / Пер. с англ. – М.: Искусство, 1977. – С. 153–172.
- [12] Пространство рукописи. От формы внешней к форме внутренней: материалы конференции (Москва, ИВИ РАН, февраль 2009 г.) / Под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. – М.: ИВИ РАН, 2010. – 188 с.: ил., табл., факс.
- [13] Словарь книжников и книжности Древней Руси. – СПб: ИРЛИ, 1992. – Вып. 3. – Ч. 1.
- [14] Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. – М.: Наука, 2000. – 542 [1] с., [2] л. цв. ил.: ил., факс.
- [15] Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. – Л.: Прибой, 1928. – 227 [3] с.
- [16] Гьянинов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.: портр.
- [17] Шартъе Р. Письменная культура и общество / Пер. с фр. и посл. И.К. Стаф. – М.: Новое изд-во, 2006. – 270 с.
- [18] Davidson C.N. Revolution and the Word: The Rise of the Novel in America. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 458 p.
- [19] Jackson H.J. Marginalia: Readers Writing in Books. – New Haven: Yale University Press, 2001. – 324 p.
- [20] Jardine L., Grafton A. Studied for Action: How Gabriel Harvey Read His Livy // Past and Present. – 1990. – № 129 (November). – P. 30–78.
- [21] Sherman W.H. Used Books: Marking Readers in Renaissance England. – Philadelphia, Pa.: University of Pennsylvania Press, 2008. – 288 p.